

Невозможный
Новый год

Андрей Кононов
Невозможный Новый год

<https://litres.ru/74623037>

SelfPub; 2026

Аннотация

Рассказ о жизни, возрасте. О любви. Как простая в сущности вещь не может случиться без разрешения судьбы

Андрей Кононов

Невозможный Новый год

Невозможный Новый год

Глава первая

Как он оказался среди студентов, которым поручили присматривать за иностранцами, теперь уже и не вспомнить.

Каждое лето в институте открывалась школа русского языка, куда на две недели съезжались иностранцы «изучать» русский язык. Организовывал все это «Интурист», а у них в институте был подготовительный факультет для иностранных студентов, собиравшихся учиться в Союзе. Собственно, так и объяснялось присутствие иностранцев в институте летом.

Желающих хватало. Приезжала Европа – французы, немцы, Швейцария, Италия, Швеция и пр. Жили они в самой дешевой интуристовской гостинице, вроде «Останкино». Днём занимались языком, а в свободное время их возили по Москве и окрестностям, показывали музеи, дворцы и прочие достопримечательности, которыми столица располагала в достаточном количестве.

Институт летом был почти пуст. И вот несколько студентов, включая его самого, неизвестно за какие заслуги оказались в распоряжении организаторов этого мероприятия. Никакой особенной работы не предполагалось. Нужно было

болтаться поблизости, следить, чтобы гости не заблудились в институтских коридорах, а кто-нибудь из местных, случайно забредший в иностранное крыло, не заинтересовался оставленными без присмотра вещами.

Руководил всей этой компанией Дима, работавший на какой-то кафедре. Дима был милейшим человеком, хотя с первого взгляда производил впечатление весьма серьёзного начальника, которому доверили иностранцев неспроста. Впрочем, вся его начальственность исчезала, стоило ему заговорить. Он постоянно шутил, причём улыбку прятал в густые чёрные усы, отчего сказанное становилось ещё смешнее.

Занятия проходили на третьем этаже.

Тогда, в махровые советские времена, существовал один совершенно безошибочный способ определить, что где-то поблизости находятся иностранцы. Для этого не нужно было слышать иностранную речь или видеть необычную одежду. Достаточно было принюхаться.

Запах!

Нет, пожалуй, аромат.

Именно аромат, совершенно невероятный для обычного советского учреждения. Смесь сигаретного дыма и не от какой-нибудь «Явы», а импортных ароматизированных сигарет, жевательной резинки и каких-то неведомых духов, которые, наверное, и названий-то в Советском Союзе не имели. Всё это смешивалось в коридорах третьего этажа, и получалось нечто совершенно неземное.

Туда можно было подниматься даже без особой надобности. Стоило открыть дверь, вдохнуть этот воздух, и голова начинала слегка кружиться. За окнами стояло жаркое московское лето, солнце заливало коридоры, впереди была целая жизнь, и казалось, что в ней обязательно произойдёт что-то необыкновенное.

Сейчас трудно объяснить, что именно так действовало на него. Конечно же «растленное влияние Запада», это было очевидно. Но влияние это выражалось в том, что в старое институтское здание словно проникал совсем другой мир, существовавший где-то далеко, за пределами привычной жизни, и аромат этот был как бы опознавательным знаком этого мира.

Итальянцы оказались самой шумной и общительной компанией. Они разговаривали все одновременно, постоянно смеялись, жестикулировали и, казалось, нисколько не страдали от того, что большинство окружающих не понимало ни слова.

Среди них была Джулия.

Он заметил её почти сразу. Конечно, куда ещё смотреть 20-летнему парню, когда делать-то практически было нечего. С другими языками приехали либо бабушки, либо малоинтересные женщины среднего возраста, несшие на себе совершенно явный отпечаток своей страны. Понятное дело, мужики там тоже присутствовали, но мы же сейчас не об этом.

Вернемся к Джулии. Коротко стриженные русые волосы, чуть вздёрнутый носик, необыкновенно живое лицо. Она совершенно не соответствовала его представлениям об итальянских девушках, почерпнутым из кинофильмов. Да и велась совсем не так, как знакомые ему московские сверстницы.

Джулия была открытой, весёлой и обладала таким запасом энергии, что, казалось, её хватило бы на всю итальянскую группу.

Ей было шестнадцать, но это выяснилось позже. Сначала он вообще не задумывался о её возрасте, потому что она выглядела намного старше шестнадцати. Девушка понравилась ему, и он стал искать возможность оказаться поблизости.

Возможностей хватало.

Между занятиями иностранцы выходили в коридор, болтали, курили, что-то обсуждали, а местные помощники, которым по большому счёту нечего было делать, охотно составляли им компанию.

Постепенно он заметил, что Джулия тоже поглядывает в его сторону. Потом они начали разговаривать. Нет, лучше сказать — общаться, ибо разговоры эти представляли собой нечто совершенно замечательное. Он знал несколько итальянских слов, Джулия — несколько русских, английский у обоих был далёк от совершенства.

Но разве это могло помешать двум молодым людям, которым хотелось быть вместе?

Они объяснялись на чудовищной смеси трёх языков, помогали себе руками, выражением лица, иногда рисовали что-нибудь на клочках бумаги, а когда окончательно переставали понимать друг друга, принимались хохотать.

Особенно его забавляло, как Джулия произносила русские слова. Она старательно подбирала выражения, иногда долго искала нужное слово, а потом вдруг выпаливала целую фразу по-итальянски и с некоторым возмущением требовала, чтобы он понял.

Он, разумеется, понимал далеко не всегда.

Впрочем, довольно скоро обнаружилось, что говорить во все не обязательно.

На экскурсии этих бесплатных помощников тоже иногда брали. Побывали в Архангельском, в Абрамцеве, ходили по Москве, однажды даже попали в Большой театр.

После он совершенно не мог вспомнить, какой спектакль они тогда смотрели, хотя посещение Большого считалось событием, которое следовало помнить всю жизнь.

В Архангельском, кажется, был великолепный парк. В Абрамцеве показывали какие-то старинные постройки. Всё это, конечно, было очень интересно, только он почти ничего не видел.

Рядом шла Джулия.

Как однажды она поймала его руку, так большую часть времени они и проводили. Он уже привык к её руке в своей и не представлял, как можно идти рядом и не держаться за

руки.

Две недели пролетели совершенно незаметно.

Приближался отъезд. Он прекрасно понимал, что Джулия уедет в Италию и что увидеться снова им, скорее всего, не придётся. Но способов борьбы с неприятными мыслями хватало. От «я подумаю об этом завтра» до «morgen, morgen, nur nicht heute».

Они ещё гуляли, разговаривали, строили совершенно невыполнимые планы. Джулия интересовалась, когда он приедет в Италию, а он пытался отшутиться, чтобы не вдаваться в неприятные подробности жизни в Советском Союзе.

Она слушала, хмурилась, переспрашивала, и он понимал, что объяснить ей устройство окружающего мира гораздо труднее, чем выучить итальянский.

Наконец наступил день отъезда.

Автобусы Интуриста стояли во дворе института. Возле них собралась вся их разноязычная компания. Кто-то бегал за забытыми вещами, кто-то пытался выяснить, в какой автобус погрузили его чемодан, руководители групп пересчитывали своих подопечных и торопили отстающих.

Но никому не хотелось уезжать.

За две недели люди успели познакомиться, подружиться, привыкнуть друг к другу, и теперь прощание превратилось в довольно шумное и суматошное мероприятие. Женщины плакали, обнимались, целовались, обещали писать. Мужчи-

ны вели себя сдержаннее, хлопали друг друга по плечам, обменивались адресами и старательно изображали весёлое настроение.

Он стоял рядом с Джулией.

У неё были мокрые, покрасневшие глаза. Она то пыталась улыбаться, то снова принималась плакать, прижималась к нему и что-то говорила по-итальянски, а он обнимал её, и чувствовал, что ещё немного — и сам разревётся.

Этого он никак не мог себе позволить.

В двадцать лет мужчины не плачут. Они огорчаются. Во всяком случае, он тогда был в этом совершенно уверен.

Потом всех окончательно загнали в автобусы. Джулия уже поднялась на ступеньку, но вдруг обернулась, бросилась к нему ещё раз, обняла, поцеловала и, прежде чем он успел что-нибудь сказать, убежала обратно.

Он так и остался стоять.

Автобусы выехали со двора, кто-то ещё махал из окон, оставшиеся махали в ответ.

Потом всё закончилось.

Дима позвал ребят, надо было ещё что-то сделать, и компания постепенно разбрелась.

На следующий день он снова оказался на третьем этаже.

Институт стоял почти пустой. В аудиториях никто не занимался, в коридорах было тихо. Ничто уже не напоминало о том, что ещё вчера здесь толпились люди, разговаривали на разных языках, смеялись, спорили, строили планы.

И главное — исчез тот самый аромат.

Совершенно невероятный, дурманивший аромат, который, казалось, принадлежал какому-то другому, прекрасному миру.

Он постоял в коридоре, заглянул в аудиторию, где занимались итальянцы, и пошёл искать Диму.

Делать здесь больше было нечего.

Первое письмо пришло через несколько недель.

На конверте красовались итальянские марки, адрес был написан знакомым почерком, и он ещё на лестнице, не дойдя до квартиры, вскрыл его и принялся читать.

Письмо оказалось довольно длинным. Джулия рассказывала о возвращении домой, о школе, о своих подругах, вспоминала Москву и, конечно, спрашивала, когда они снова увидятся.

Он перечитал письмо несколько раз, потом сел отвечать и неожиданно обнаружил, что рассказать ей хочется ужасно много.

С разговорами всё было проще. Если не хватало слов, можно было показать руками, засмеяться, наконец просто обнять. А тут приходилось излагать свои мысли на английском, который ещё недавно казался ему вполне достаточным для общения, а теперь обнаруживал совершенно досадные недостатки.

Он исписал несколько страниц, перечитал написанное,

кое-что исправил и отправил письмо.

Он довольно быстро привык ждать итальянских конвертов. Иногда, возвращаясь домой, ещё с порога спрашивал, нет ли ему почты. Если письмо приходило, старался прочитать его не торопясь, отложить на вечер, когда можно будет спокойно устроиться и заняться исключительно Джулией.

Но обычно не выдерживал и вскрывал конверт сразу.

Так прошло несколько месяцев.

Иногда он вспоминал то московское лето и удивлялся, как много всего произошло за какие-то две недели. Особенно часто вспоминался третий этаж, залитые солнцем коридоры, шумная итальянская компания и удивительный аромат, от которого тогда кружилась голова.

И, конечно, Джулия.

А потом наступила зима.

Глава вторая

Незадолго до Нового года, он столкнулся в институтском коридоре с Димой.

— Здорово, что я тебя встретил! — обрадовался тот. — Собирался уже разыскивать. Твоя итальянка в Москве. Звонила мне, спрашивала о тебе. Хочет встретиться.

Он остановился как вкопанный.

Дима ещё что-то говорил, объяснял, где она остановилась и как с ней связаться, а он уже ничего толком не слышал. Перед глазами стояло московское лето, залитые солнцем институтские коридоры, и он почти физически ощутил её руку

в своей.

Архангельское, Абрамцево, шумная компания иностранцев, две недели, которые теперь казались едва ли не лучшим временем в его жизни.

И вот она снова в Москве!

Они ведь переписывались, довольно часто. Только письма оставались письмами, а тут вдруг выяснилось, что между ними всего несколько километров, которые можно проехать на метро или даже пройти пешком.

Дома у Димы собралась большая компания. Несколько ребят из тех, летних помощников, Димины друзья.

Потом пришла Джулия.

Она почти не изменилась. Разве что волосы стали немного длиннее, да и одета она была совсем иначе, чем тем летом. Но улыбка, глаза, манера говорить, сопровождая каждую фразу энергичными жестами, — всё осталось прежним.

Ему не очень хотелось на глазах у мало знакомой компании давать волю чувствам, похоже, Джулия чувствовала себя примерно также.

Вечер прошел быстро, было весело. Вспоминали лето. Он не сводил взгляда с Джулии, на сколько это было возможно. Она тоже старалась. Конечно, немой сцены со Штирлицем и его женой не получилось, но старались вовсю.

Когда все стали расходиться, Дима предложил отвезти Джулию в гостиницу, ну и его в качестве сопровождающего. Они погрузились в Димин Запорожец и наконец...

Они целовались, говорили на «руссольяно», снова целовались, смеялись и опять...

Однако была одна мысль, от которой никак не удавалось отделаться.

За окнами стояла зима. Не та, что бывает в Италии, а настоящая московская, с морозом, снегом и короткими днями. Уходил ещё один год. Через несколько дней Джулия уедет, и на этот раз он уже не рассчитывал увидеть её снова.

Впрочем, распространяться на эту тему не хотелось. Они ведь только что встретились!

Следующие дни были заняты встречами, прогулками и телефонными разговорами. Джулия приехала с группой, у которой имелась собственная программа, так что свободного времени было меньше, чем летом. Но кое-как они ухитрились видаться, хотя иногда для этого приходилось изрядно побегать по Москве.

Приближался Новый год.

Он собирался встречать его с институтскими друзьями. Компания намечалась весёлая, многие знали друг друга не первый год, и он подумал, что Джулии наверняка будет интересно. К тому же ему хотелось познакомить её со своими друзьями, дать возможность увидеть, как они живут, веселятся, как встречают Новый год.

Он пригласил её.

Джулия обрадовалась. Немедленно начала расспрашивать, где все будет проходить, сколько будет народу, как сле-

дует одеться и не нужно ли принести какой-нибудь подарок.

Он пытался объяснить, что ничего особенного не требуется, хотя относительно того, что именно следует надевать девушке на новогоднюю вечеринку, его познания были весьма ограничены.

Условились, что вечером тридцать первого он приедет за ней в гостиницу.

В назначенное время он уже был там.

Джулия открыла дверь, и он сразу понял, что что-то произошло. Она была в обычной домашней одежде, явно никуда не собиралась, а лицо было заплаканное.

Он спросил, что случилось, но Джулия вместо ответа пригласила его войти. Она попыталась что-то объяснить, говорила непривычно медленно, подбирая английские слова, иногда сбивалась на итальянский, замолкала и начинала снова.

Он понял только, что руководитель группы запретил ей ехать с ним встречать Новый год.

Он взял её за руку. Джулия вдруг бросилась ему на шею и разрыдалась.

— Io t'amo! Io t'amo!

Такого он никак не ожидал. Мало того, что рядом с ним никогда ещё не плакала ни одна девушка, при этом ещё и признаваясь в любви – кое-какие итальянские слова он уже знал хорошо. Джулия плакала, повторяла эти два слова, говорила что-то ещё, чего он почти не разбирал, и снова при-

нималась плакать. Он целовал её, говорил, что тоже любит, что всё будет хорошо, что не нужно так расстраиваться. В какой-то момент почувствовал, что и сам едва сдерживает слёзы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.